

Гражданские технологии: от личного опыта — к коду

Когда летом 2010 года Московскую область, а затем и всю центральную Россию, охватили пожары, первыми на чрезвычайную ситуацию отреагировали сами граждане. «Карта помощи при пожарах», где нуждающиеся могли получить целевую помощь от волонтеров, оказалась одним из первых примеров «гражданского приложения» (civic app), очень показательным для российского контекста. Именно с этой инициативы начался путь Теплицы социальных технологий, и с этого года начался расцвет гражданских технологий в России.

Движение за гражданские приложения в то же время набирало популярность и в США: с 2009 года администрация президента Обамы обратилась к сообществу программистов с просьбой помочь им оптимизировать работу государственных сервисов и предложить новые инструменты для решения общественных проблем. Ев-

ропа не отставала: например, во Франции мэрии городов обратились к civic tech для создания своих виртуальных приемных в надежде создать новых форматы взаимодействия с гражданами.

Тогда же в разных странах начала подниматься волна гражданских хактонов, на которых представители общественных организаций встречались с энтузиастами из IT-сферы чтобы вместе создавать прототипы решений разнообразных гражданских проблем. Сейчас в это трудно поверить, но в 2012 году состоялся международный хакатон «Code for country», где команды из России и США работали вместе. Движение «гражданских хакеров» стало постепенно институционализироваться — уже в 2013 году состоялся «Международный день гражданского хакерства».

Гражданские хакеры изменили одновременно и образ «хакера», и форматы «гражданственности». Попробуйте вбить в гугл «civic hacker» и посмотреть на поиск по картинкам: вместо подозрительного персонажа в темной толстовке с капюшоном, прячущегося за ноутбуком, вы скорее всего увидите вполне жизнерадостных людей, собравшихся в коворкинге за столами, погруженных в разработку проектов для «лучшего мира». На этих фотографиях, как правило, сделанных на американских хакатонах, гражданские хакеры весьма гармонично существуют в одном пространстве с представителями государственных инициатив.

Однако российская специфика гражданских приложений сильно отличается от западной. Множество проек-

тов, описанных в этом сборнике «Теплицы», например платформа «Красивый Петербург» или приложение «РосЯма», родились не из диалога с государством, а наоборот, из невозможности такого диалога.

Многим российским гражданским техническим проектам свойственен общий сценарий: сначала столкновение с проблемой. Часто на физическом уровне. Это может быть яма на дороге, в которую ты в буквальном смысле проваливаешься; или грязный воздух, которым ты вынужден дышать; в конце концов, это может быть диагноз ВИЧ+, о котором ты узнаешь и оказываешься один на один с проблемой. Но авторы описанных в книге проектов пошли дальше. Они поняли, что этот первичный проблемный опыт касается не только их. Речь идет о публичной, общественной проблеме, решение которой внешне может оказаться им по силам.

Инновационный аспект гражданских технологий особенно интересен тем, что техническое решение здесь выступает именно ответом на конкретный запрос — запрос сообщества людей, объединенных общим опытом — будь то опыт существования в городской среде, опыт жизни с тяжелым заболеванием, опыт наблюдения фальсификаций на выборах и так далее. К опыту также присоединяется и экспертиза: ведь, как говорил социолог науки и техники Гарри Коллинз, экспертами являются не только власть имущие, получившие соответствующие дипломы и титулы. Не менее важны и те, чья экспертиза основана на опыте (*experience based experts*). Этим гражданские проекты, описанные в этой книге, отличаются

от государственных проектов в области цифрового правительства и от социальных стартапов. И главное отличие — то, что инициатива здесь исходит «снизу».

Гражданские проекты выступают либо как альтернатива государственным институтам, которые просто не справляются с проблемой или вовсе не занимаются ею (как, например, проект по мониторингу воздуха «Дыши, Москва» или веб-аутрич команды «Гуманитарного действия»). Либо как инструмент «гражданского контроля», который помогает осуществлять давление на государственные органы, чтобы заставить их работать эффективнее (как в случае с «Красивым Петербургом»). От стартапов их отличает то, что здесь первичен не технический интерес, венчурное вложение в востребованную социальную повестку или мода на какую-то технологию (например, блокчейн или машинное обучение), а именно запрос от пользователей, на который готовы ответить социально ответственные айтишники.

Истории из этой книги — это захватывающие рассказы о трудностях и успехах перевода. Перевода из личного опыта в техническое задание, перевода проблемы из личной в публичную, а иногда даже и политическую плоскость. Здесь технологии часто становятся «рупором проблемы», своего рода «усилителем сигнала»: помещая похожие проблемные кейсы на плоскость виртуальных карт или баз данных, мы видим уже не отдельно взятую, личную беду, а часть более глобальной, общественной проблемы, глубинное решение которой часто требует системного подхода, выходящего за рамки чи-

сто технического подхода.

И действительно, место цифровых технологий в проектах из книги Теплицы не всегда оказывается центральным. Очень часто гражданские приложения вовсе не подразумевают высокотехнологичных решений. Наоборот, «хакерский» подход гражданских разработчиков состоит в том, чтобы найти наиболее простое, экономичное и эффективное решение. Хакерство тут интересно раскрывается в соседстве с таким термином, как «смекалка».

Читая эту книгу, вы удивитесь, что для решения многих социальных задач понадобилась не новая нейросеть или приложение, а простой бот в «Телеграме» или сайт на конструкторе «Тильда». Часто самые важные решения лежат и вовсе не в технической плоскости, а требуют создания и развития сообщества вокруг проекта. Это становится возможным благодаря разносторонней экспертизе коллективов, вовлеченных в разработку гражданских технологий: знание низовых сообществ и личный опыт оказываются ничуть не менее важны, чем владение языками программирования.

Но диалог активистов и разработчиков отнюдь не всегда проходит легко. Перевод кода в социальную плоскость — и наоборот — требует определенного модуса (майндсета). Проведенное мною в 2012–2016 годах глубинное исследование гражданских приложений в России и Франции показало интересную закономерность: большинство разработчиков, которые вовлекались в создание гражданских технологий, не считали свою деятельность политической. Они видели привлекательность гражданских

технологий в их предельной практичности и применимости: это инструменты для решения конкретных, часто очень материальных, проблем, в отличие от политического активизма, который представлялся им чем-то абстрактным и бесполезным. Несмотря на успехи отдельных проектов, гражданские разработчики так и не смогли стать коллективным политическим субъектом.

Однако, оглядываясь на историю гражданских технологий в России, мы видим множество примеров успешной критики государственных институтов, не справляющихся со своими задачами. Мы видим вдохновляющие кейсы самоорганизации сообществ, которые действуют вопреки и параллельно власти. Сейчас, в 2022 году, когда именно айтишники стали ядром массовой эмиграции, мы надеемся на новую волну технических проектов извне, которые ответят на вызовы нового масштаба.

Ксения Ермошина, научная сотрудница Center for Internet and Society CNRS, исследовательница в eQualit.ie и Citizen Lab, кибер-активистка